

Вал.В. Полосин

**Историк О.Г. Большаков
и лексикограф Абу Наср ал-Джаухари
(к вопросу об эйфории — она крест
или награда ученому?)**

Так случилось, что последним документом, который я подписал в качестве заведующего Сектором, было представление на Олега Георгиевича в прошлогоднюю аттестационную комиссию. Он этого текста не знает, и я прочту его как вступление к моему сообщению.

В Комиссию СПбФ ИВ РАН
по внеочередной аттестации
научных сотрудников

Представление
на О.Г. Большакова, гл.н.с., д.и.н.

О.Г. Большаков — главная научная фигура и моральный авторитет в Секторе. Мне неудобно представлять его Комиссии. В текущем году он завершает основную свою работу, беспрецедентную в современной науке четырехтомную историю Арабского халифата.

По результатам исследовательской и научно-педагогической работы О.Г. Большакова в период с осени 2003 г. по май 2008 г. прошу аттестовать его в должности главного научного сотрудника на новый срок.

Личный отчет О.Г. Большакова на 2 листах прилагается.

12.05.08 г.

Зав. Сектором Ближнего Востока к.и.н. /Вал.В. Полосин/

Теперь, год спустя, я хочу слегка расшифровать, кому и на каких ученых неловко писать представления. Появление в названии сообщения имени средневекового лексикографа — это метафора, она представляется мне уместной и будет постепенно мной раскрываться.

Зачем?

Ну, во-первых, Олег Георгиевич и сам превосходный словарист, — он за красным словцом в карман не лазит и в повседневных разговорах щеголяет редкими выражениями и этимологиями, порой неожиданными и забавными.

А во-вторых, тысячу лет назад ал-Джаухари создал толковый словарь арабского языка, который типологически и по ряду параметров, а также по своей значимости в арабской лексикографии сопоставим с той ролью, которую, по моему мнению, будет играть в современной историографии 4-томная «История халифата» Олега Георгиевича. Ал-Джаухари введен мной в повествование вторым его героем, чтобы сообщение не показалось кому-нибудь простым юбилейным панегириком.

Словарь ал-Джаухари получил широкую известность и распространение на всем мусульманском Востоке. В арабской лексикографии он составил целую эпоху, которая длилась целых 900 лет. Только в XIX в. у арабов появился словарь современного типа с алфавитным порядком словообразующих корней. А до этого именно словарь ал-Джаухари занимал в лексикографии доминирующее положение. Его многократно комментировали, сокращали и дополняли, перерасполагали словарные статьи, переводили на турецкий и персидский языки и, конечно же, просто размножали перепиской из поколения в поколение.

Словарь имел самую прогрессивную из возможных структуру и поисковый принцип, которые я не могу здесь объяснить подробно из-за сложности понимания неарабистами этого сюжета. Для поиска слова нужно было открыть раздел словаря, обозначенный не первой, а **последней** корневой буквой нужного слова, а затем найти в разделе главу, обозначенную **первой** корневой искомого слова, и уже там искать слово по нормальной последовательности букв корня. Такой порядок был очень удобен для кумуляции лексики составителем словаря, а также для последующего поиска словоформ пользователями словаря, особенно многочисленными у арабов версификаторами разного рода.

Между словарем ал-Джаухари и «Историей халифата» немало поводов для их сопоставления. Например, полнота использованного в них материала. В X в. лексикографы уже имели возможность по математической формуле рассчитать число перестановок и сочетаний для 28 букв арабского алфавита. Этим определялось предельное их число в группах двух-, трех-, четырех- и пятибуквенных корней, чтобы контролировать полученными числами полноту собранных словоформ, попутно вычеркивая из реестра не реализованные в языке сочетания. Этот метод открыл путь к переходу от словариков малых форм с узкотематическими коллекциями лексики и несложной структурой к большому толковому словарю. Ал-Джаухари, отбирая лексику, даже провел некоторое время среди бедуинов Аравийского полуострова.

Такую же полноту фактического материала дает и «История халифата». Ко времени ее написания практически уже закончилась фиксация всех сохранившихся письменных памятников на арабском языке. В целом необходимые для ее целей источники за два последних столетия изданы и так или иначе исследованы, и Олег Георгиевич использовал существующие исследования в нужной для него мере.

Обе темы — и у ал-Джаухари, и у Олега Георгиевича — актуальны, каждая для своего времени, и обе решены без промедления, как только появились для этого условия. Любопытно, что оба раза это случилось на стыке столетий: первый раз — на стыке X–XI вв., второй раз — на стыке XX–XXI вв. Обе — популярны и долговечны; для первой об этом уже говорилось, а что касается второй, то тираж ее по нынешним меркам огромен, она уже заслужила Государственную премию, она на многие десятилетия, без сомнения, станет основой для лекционных курсов на всех исторических факультетах страны и выйдет таким образом далеко за пределы востоковедного сообщества. Наконец, нужно сказать, что различные сегменты истории Халифата и аспекты жизни в нем уже исследовались многими учеными. Но четырехтомник Большакова, используя их, перекрывает их все единым авторским взглядом на всю историю Халифата. Подобную монографию просто невозможно повторить в обозримом будущем никем и нигде, — уже просто потому, что рыночные механизмы, проникающие в науку, фактически исключают индивидуальное исполнение работ такого масштаба. Ничто в современном устройстве научного сообщества — хоть у нас дома, хоть и за границей — не стимулирует больше повторение такого научного свершения.

По этой причине «Историю халифата» будут, как мне кажется, переводить на иностранные языки, увеличивая популярность автора. Или же зарубежные специалисты будут изучать русский язык, чтобы пользоваться ею при более углубленной проработке отдельных эпизодов из истории Халифата. В этом тоже есть сходство с судьбой словаря ал-Джаухари. Забавной аналогией в связи с этим представляется и то, что, тюрок по рождению, ал-Джаухари (он родился в Фарабе, по-современному — в Туркмении) создает лучший в свое время толковый словарь арабского языка, а лучшую — если не сказать единственную — историю Арабского халифата пишет уроженец российской Твери.

В жизни ал-Джаухари есть эпизод, из-за которого он, собственно, и попал в мое сообщение. Когда он надиктовал перебельщику половину своего словаря, на него накатилась такая мощная волна эйфории, что он взобрался на крышу мечети и закричал: «Эй вы, люди! Я сделал в своей жизни нечто такое, чего не удавалось еще ни одному человеку! А теперь я собираюсь сделать и для потусторонней жизни нечто такое, чего еще никто не сделал!» Он привязал к рукам дверные створки, поднялся на самый высокий выступ мечети и вознамерился совершить полет. Но упал на землю и разбился насмерть.

...Конечно, сам Олег Георгиевич лучше нас понимает значение своей работы для науки. Уже за первые два тома своей «Истории халифата» (а это как раз ее середина, как у ал-Джаухари!) он получил Государственную премию. И та эйфория, которую он, возможно, испытал — как это случилось с ал-Джаухари, — должно быть, ушла у него на заключительные два тома. Но с выходом в свет четвертого (и последнего) тома «Истории» его ждет еще один праздник, еще одно торжество!

Ясно, что Олег Георгиевич не станет подвизывать себе искусственные крылья по этому случаю. Но эйфории и ему не избежать, если ничто человеческое ему, как говорится, не чуждо. И пока он будет занят редподготовкой этого, пока еще не вышедшего, тома, неплохо было бы, как мне кажется, «подбросить» ему какой-нибудь такой сюжет, с которым ему опять было бы не до эйфории.

Признаться, я догадываюсь, что пришлось бы ему по сердцу и в удовольствие. Но большим ученым не принято подсказывать темы. Они сами выбирают свою дорогу.